

Человек, который не хотел быть зрителем

Смена. — С. 170. — 1995. — 19 мая. — С. 10.

Среди множества смертей минувшего года совсем незамеченной в России прошла смерть "французского писателя, стратегического мыслителя и авантюриста", как он себя определял, Ги Дебора. Он покончил с собой 30 ноября 1994 года, без двух дней месяц не дожив до своего 63-летия.

НО ЧТО говорить о России, где никогда не была опубликована ни одна строка Дебора, если в самой Франции, дай бог, два-три интеллектуальных издания откликнулись на его гибель. Он действительно был "секретным" философом, любителем тайн и заговоров, десять лет назад удалившимся в глубинку и тогда же запретившим демонстрацию своих фильмов (Дебор был еще и кинорежиссером).

Остались семь его книг и множество опубликованных под псевдонимами текстов, в которых он, отточенный стилист, ученик древнекитайского автора "Искусства войны" Сун Цзы, иезуита Бальтасара Грасиана, Маккиавели, Гегеля, Маркса и Клаузевица, последовательно и мужественно выразил свой черный социальный пессимизм. Остались четыре короткометражных и два полнометражных фильма, в которых столь же последовательно Дебор отрицал сам кинематограф. Осталась невнятная, романтическая репутация и практически никаких достоверных сведений о его частной жизни. Несомненно, он был одним из оккультных гениев революции 1968 года, но и он же написал: "Реки революций возвращаются к истокам, чтобы течь снова". Он слишком хорошо знал, что ничего в мире изменить нельзя, но упорно, чуть ли не в одиночку, хранил в европейской культуре представление о бунте, отказе.

"Я был очень хорошим профессионалом, - писал Дебор, - вот только в чем? Вряд ли кто-то смел в те времена вести себя так, как я". И сам же он находил ответ на свой вопрос: "Лучше всего в жизни я умею пить... Читая так часто о себе самую экстравагантную клевету или очень несправедливую критику, я поражаюсь, что за тридцать с лишним лет никто из моих врагов

не использовал мое пьянство как аргумент против моих скандальных идей".

С клеветой он был знаком хорошо. Она стала одной из причин его десятилетнего затворничества. 5 марта 1984 года четырьмя выстрелами в упор (значит, стрелял знакомый) в подземном парижском паркинге на авеню Фош был убит его друг, меценат и издатель Жерар Лебовичи, до такой степени преклонявшийся перед ним, что в специально купленном парижском кинозале на протяжении многих лет чуть ли ни круглосуточно демонстрировал фильмы философа.

Лебовичи, убийц которого так и не нашли (месть преступного мира за публикацию мемуаров гангстера Месрана? тайные финансовые связи с левыми террористами?), был парадоксальной фигурой: процветающий издатель левозастремистской литературы, еще более процветающий кинопродюсер, на счету которого "Веселенькое воскресенье" Франсуа Трюффо, "Жизнь - это роман" Алена Рене, "Папаша" Франсиса Вебера и другие ошеломительные успехи. Не менее парадоксальная фигура Дебора попала в поле зрения следствия (незادолго до убийства он громко обвинил правящих в Италии христианских демократов в закулисной манипуляции "красными бригадами"), его допрашивали, газеты изошлись в слухах. Дебор выиграл несколько процессов против газет и уехал...

Он не просто пережил, а был вдохновителем нескольких важнейших культурных авантур послевоенной истории. В 19 лет он вступил в ультраавангардистскую группу поэтов-леттристов, диктовавшую моду в артистических кафе Сен-Жермен-де-Пре и предводительствовавшую молодым выходцем из Ру-

мынии Изидором Изу (Жан-Изидор Гольдштейн), вопившем на первой вечеринке движения: "Поэзия будет леттристской или ее не будет вообще! Но она будет леттристской!" Дебор не писал леттристских стихов, он снял леттристский фильм "Вопли в защиту де Сада" (1952), состоявший из чередования белого экрана в сопровождении закадрового голоса и черного - без какого-либо комментария.

В 1957 году Дебор вовлек остатки издыхающего леттристского движения в авантюру глобальную. 27 июля в итальянской деревне несколько десятков интеллектуалов (выходцы из группы живописцев-экспрессионистов КОБРА, из Интернационального движения за имажинистский Баухауз и лондонского "психогеографического факультета") создали просуществовавший до 1972 года Интернационал ситуационизма, самым блестящим теоретиком которого стал Дебор. "Мы знаем, как сделать жизнь увлекательной", - заявил он для начала.

Список из 540 имен указывал на основные ситуационистские мишени - от "жалкого нациста" Хайдеггера до "неслыханного" Сартра.

Как и следует из названия движения, ситуационисты старались создавать эстетически-политические ситуации, способные нарушить установившийся порядок вещей (их тотальное отрицание распространилось и на капиталистический, и на социалистический лагерь, и даже на социализм в те годы многих интеллектуалов кровавую утопию Мао). Ситуацией могла быть и провокация в духе очень популярной тогда эстетизации политического действия. В 1966 году шесть студентов-ситуационистов возглавили управление Страсбургского университета, превратив его в центр готовящегося студенческого бунта. В 1968 году ситуационистские идеи, лозунги, плакаты, листовки царствовали на баррикадах Парижа и Бекли, Амстердама и Рима.

Самой же знаменитой ситуационистской методикой было так

называемое "искажение", то есть использование уже созданных произведений искусства и масскульта, которые при изменении контекста приобретали противоположный, саморазоблачительный смысл. Например, перепечатка коммерческих комиксов, в уста персонажей которых вкладывалось нечто невообразимое. Или озвучивание какого-то каратистского фильма леворадикальной заумью ("Может ли диалектика ломать кирпичи?"). Между прочим, такая техника щедро используется теперь - опять же, с легкой руки Дебора - повсеместно, и поставангардом, и коммерческими средствами массовой информации. Когда Олег Ковалов монтирует из фильмов пятидесятых годов свои "Сады Скорпиона", а Сергей Шолохов озвучивает выход советских танков из Афганистана песней "Недавно гостила в чудесной стране..." - это чистый ситуационизм.

Последней эстетической акцией Дебора стало само его самоубийство. Оно превратилось в эпиграф к сенсационной первой телепередаче о нем, намеченной на 9 января 1995 года. Верный ситуационистской традиции "искажения", Дебор и в этом фильме не отвечает напрямую ведущим французским критикам, единодушно осудившим в 1988 году черный пессимизм его социологических построений. Он ограничивается тем, что прокручивает отрывок из той давней передачи, где его оппонент противопоставил его пророчествам лучезарное и мирное шествие демократии - где бы вы думали? - в Югославии и Алжире.

В его уходе есть что-то от древнегреческой чаши с циклупом или самурайского харакيري. Он отказался играть роль комфортабельно устроившейся сивиллы, жить на гонорары от дурных новостей, которые он нес современной цивилизации. Он отказался быть зрителем открытого им "общества спектаклей". И вернул Творцу билет...

Михаил ТРОФИМЕНКОВ